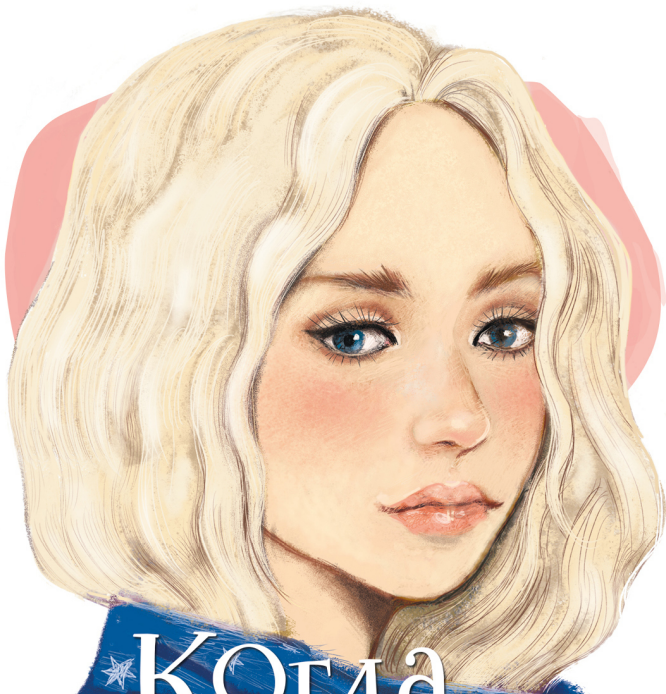

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК

Когда
Зацветёт
Кактус

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Эльвира Смелик
Когда зацветет кактус
Серия «Мой первый роман»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69905263
ISBN 978-5-17-156732-3

Аннотация

Эльвира Смелик – современная писательница, автор произведений для подростков, работает в жанрах мистики, фэнтези и любовного романа. В её новой книге, «Когда зацветёт кактус», нет ничего мистического, ну разве что совсем чуть-чуть, а вот трогательной первой любви предостаточно.

Как-то раз Тоня по собственной глупости попала в нелепую ситуацию: ей нужно было представить самой крутой девчонке двора своего парня. Но как раз парня-то у Тони и не было. Удастся ли девушке выпутаться из сложившейся ситуации, узнаете из книги Эльвиры Смелик.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эльвира Смелик

Когда расцветёт кактус

Рисунок на обложке Д. Лапшиной

© Смелик Э. В., 2023

© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

МОЙ

ПЕРВЫЙ

РОМАН

Глава 1

– Ну и зачем ты это сказала? – произнесла Алёна с осуждением. – Что теперь будешь делать?

Тоня пожала плечами.

Зачем сказала, зачем сказала? Если бы всегда точно знать, зачем ты сделала то или иное. А уж зачем сказала – тем более.

Само вырвалось. Просто невозможно оказалось промолчать, когда Сагитова смотрела снисходительно и мелко кивала головой, мол: «Ага-ага. Ври, Тонечка, ври». Как будто она какая-то уродина зачуханная, и парни от неё ещё за сто метров шарахаются.

Не шарахаются. Хотя и не липнут, если честно. Но кто их знает, почему. Глупые. Счастья своего не видят.

А, может, это судьба бережёт Тоню от всяких случайных отношений. Хранит для того, единственного, который станет самым важным человеком в её жизни.

Но не выкладывать же было Сагитовой все эти соображения, вот Тоня и ляпнула в ответ на её очередные подколки, мол «Некоторые и в шестнадцать из детсадовского возраста не выйдут, а о любви только по книжкам знают», что у неё-то как раз парень есть. И ещё какой. Кое-кому даже и не снилось.

Ну да, увлеклась слегка. С Тоней подобное частенько случалось: начинает говорить и уже не остановиться. А, главное, всё так складно получается, легко и красиво, что самой хочется верить, будто это правда. Но Сагитова не поверила, доказательств потребовала.

– Мы, как обычно, в следующие выходные в «Меркурии» собираемся. И тебя, Жуланова, ждём. – Сагитова выдержала паузу, нарочитую, и добавила, не скрывая иронии: – С твоим крутым парнем.

Алёна при этом присутствовала, изо всех сил посылала подруге всякие предостерегающие сигналы: бровями шевелила, испепеляла взглядом, физиономии корчила. Тоня видела, но прервать себя на полуслове уже не могла, и отступить тоже, и отказаться. А Сагитова ещё будто и понимала, что Тоне обещанного парня искать придётся, почти полторы недели выделила. Благородная какая!

Но Тоня снисходительно и бесстрашно глянула на Саги-

тову, хмыкнула и заявила:

– Да нет проблем. Придём, конечно.

У Алёны такое лицо стало, будто подруга как минимум сделку с дьяволом заключила, и теперь всё – пропала. А в последнее время без конца упоминала по случаю или без случая, о чём бы разговор ни заходил. Вот и сейчас, когда они вместе из школы домой возвращались, вопрошала патетически:

– Что делать будешь?

– Что-что? Не приду, да и всё, – беззаботно воскликнула Тоня.

– Ну-ну, – проговорила Алёна и глубоко вздохнула. – Готовься, подруга. Сагитова же потом не отвяжется. Так и будет доставать. И всем вокруг расскажет.

– Да ну и пусть, – Тоня махнула рукой.

Не то, чтобы ей совсем уж безразлично, если по науськиванию Сагитовой над ней хихикать будут. Не в школе же, а только в компании по месту жительства. Тоня всё равно только из-за Алёны с этим народом общается, а так вполне может обойтись без вечерних посиделок толпой и походов в фуд-корт торгового центра.

Нет, всё-таки она не настолько на общественном мнении и собственном имидже зациклена, как подруга. Это Алёна – перфекционистка, считала, что достойно выглядеть нужно не только в собственных глазах и глазах близких тебе людей, а вообще всех. Но зачем это нужно, и сама толком объяснить

не могла.

Так надо, так важно, так полагается. Сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя. Из всего надо извлекать пользу. Нельзя давать себе послабления, к любой мелочи нужно относиться на полном серьёзе, потому что на самом деле мелочей не бывает. Для себя выбираем только лучшее, а не первое что под руку подвернётся. И так далее, и тому подобное, целый свод положений и правил.

К Алёне запросто можно по вопросам любого выбора обращаться, она с налёта просчитает выигрышный вариант. Она вообще вся такая рассудительная и целеустремлённая, а Тоня...

Вот уж точно: думать надо, прежде чем что-то сказать.

Алёна бы ни за что в подобную историю не попала. У неё каждое слово тщательно взвешенно, все поступки – только по делу. А Тоню просто мотает из стороны в сторону. Куда ветер подует, туда и летит.

Взрослее надо быть, разумнее. Всего полтора года осталось до окончания школы, и окружающие уже все уши прожужжали о будущем, о важности правильного выбора, о ЕГЭ, конечно. Тоня всё понимала, к учёбе относилась серьёзно, голова у неё ничем посторонним не занята.

Сагитова по большей части права – «Некоторые и в шестнадцать из детсадовского возраста не выйдут». Но это проблема только для тех, кто до ужаса желал быстрее повзрос-

леть, а Тоню и юность вполне устраивала, даже несмотря на то, что считалась самым тяжёлым возрастом.

Наверное, она какая-то неправильная: не впадала постоянно в депрессии, не ныла, что никто её не понимает, что она бесконечно одинокая, что люди кругом чёрствые, лживые и бездушные, а она тонкая ранимая натура, поэтому просто задыхается в этой реальности от всеобщей подлости и грязи.

Не одинокая. У неё Алёна есть, и дружили они с раннего детства, потому что проживали в одном доме, гуляли в одном дворе. Повезло.

Ну точно – неправильная. И как с этим жить?

Да уж как-нибудь. Жила ведь Тоня до сих пор и не жаловалась. И насмешки Сагитовой переживёт. Наверное.

– А хочешь, я побуду вместо твоего парня? – донеслось из-за спины.

Глава 2

Тоня с Алёной, как по команде, застыли, широко распахнув глаза от изумления, и одновременно развернулись, установившись на шедшего следом за ними Горячева, уточнили хором:

– Ты?

Они, конечно, с самого начала знали, что Мишка тут, рядом – почти всегда из школы вместе ходили. Потому что и учились в одном классе, и им по дороге. Только Тоня с Алёной до самого конца вместе топали, а Горячев чуть раньше сворачивал. Но, вообще-то, обе уверены были, что Мишка к их разговорам не прислушивался. У него наушники беспроводные в ушах, ещё и капюшон надет. А он, выходило, в курсе, о чём они треплутся. И так всегда?

Они на него, наверное, слишком долго и озадаченно смотрели, потому что Горячев даже слегка смутился, моргнул и протянул неуверенно:

– Ну а что? Чем я не подхожу? Очень даже симпатичный.

Правда, чисто внешне он вполне ничего выглядел – высокий, спортивно сложенный. Разве только худоват немного. И на лицо приятный. Не красавчик, конечно, но действительно привлекательный. Волосы тёмные, а глаза голубые. На сиамского кота похож. Но Мишка – это же Мишка. Несерьёзно. И Алёна так считала, покачала головой из стороны в сторону.

– Ой, Горячев. Симпатичный-то симпатичный, не буду спорить. Особенно издалека.

Мишка не обиделся на её снисходительную иронию, продолжил себя презентовать:

– И прикольный.

Алёна опять головой качнула, но уже сверху-вниз, подтверждая.

– В том-то и дело. Чересчур прикольный.

Алёна всегда честно выкладывала, что думала. Считала, что с друзьями нельзя кривить душой, и надо понимать, что она из лучших побуждений, ведь важно трезво оценивать ситуацию. Это пусть посторонние юлят и недоговаривают, а друзья на то и друзья, чтобы высказываться прямо.

Она бы и сейчас без лишних сомнений добавила, что у Тони с Сагитовой про крутого парня разговор шёл, а не про первого попавшегося, и Мишка по этому критерию никак не

проходит, но Горячев её опередил.

– Ну, как знаете, – хмыкнул. – Я же не серьёзно встречаться предлагал. Просто сделать вид. Раз так важно. Как лучше хотел. – И сжал губы, не то, чтобы обиженно, скорее, гордо и независимо.

– Ладно, – решительно выпалила Тоня.

Алёна мгновенно развернулась в её сторону, уставилась ошарашенно и опять осуждающе. В глазах чётко читался вопрос «С ума сошла?» Кстати, у Мишки тоже во взгляде удивление застыло – «Чё? Правда?»

– Да просто, чтоб Сагитова не цеплялась, – объяснила Тоня. – Зайдём в «Меркурии», ручкой махнём, – даже показала, как, и добавила зачем-то: – Издалека.

С опаской глянула на Горячева: не обиделся ли? Но он, похоже, на её последнее слово и внимания не обратил, подтвердил:

– Окей, договорились. – Воткнул назад в ухо выдернутый наушник. – Ладно, пока. – И свернул налево, как обычно, а девушки – направо, к тропинке, пересекающей по диагонали широкий газон.

Алёна оглянулась, убедилась, что Мишка скрылся за углом и возопила с праведным негодованием:

– Тонь! Да ты чего?! Неужели и правда... с Горячевым?

– Так ведь не по-настоящему, – оправдалась та, повторила про себя: «Не по-настоящему».

Подруга глубоко вдохнула. Не иначе готовилась разра-

зиться долгой речью. О Тониной легкомысленности и беззаботности, о том, что «не по-настоящему» – это несерьёзно и потому недопустимо. С примерами из собственного опыта, как должно быть. Алёна в подобном вопросе тот ещё эксперт. Потому что у неё-то парень есть – Дима. И не придуманный, не чисто для вида, а самый реальный.

Но сейчас он в армии и вернётся только осенью. А служил Дима, между прочим, в кремлёвском полку. Но в торжественном карауле у Вечного огня или у Спасской башни не стоял, ростом немного не дотянул. Зато написал недавно в мессенджере, что будет на кремлёвских ёлках дежурить в оцеплении. Или это как-то по-другому называлось? Предлагал Алёне билет достать.

Тоня сразу представила, как подруга в Колонном зале с малышнёй хороводы водит, и еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Но та, само собой, на билет не согласилась – другое дело, если бы младший брат или сестра были – и всё равно светилась от гордости за своего Димочку. Хотя какая-то сомнительная почётная обязанность в оцеплении на детском новогоднем празднике стоять. Но ведь и правда, что не каждому выпадает.

У подруги с её парнем всё предельно серьёзно. Потому что Алёна терпеть не могла ничего несерьёзного и бесперспективного. Тоня её даже подколоть пыталась.

«Разве это достойная перспектива – армия? Надо было выбирать парня среди студентов престижного вуза, а с Ди-

мой неизвестно ещё: поступит потом – не поступит, да и захочет ли. А ещё лучше – искать сразу среди работающих, на руководящих должностях, и получающих большую зарплату. И ничего, что им там всем в основном под сорок, а то и под пятьдесят. Зато в их серьёзности и важности никто не усомнится».

Но Алёну так просто не смутить. Она только глянула свысока, фыркнула и заявила:

– Ты, Тонечка, ничего не понимаешь.

И потом ещё долго и убеждённо объясняла, почему. Но Тоня почти ничего из её речи не запомнила, задумалась о своём. Вот и сейчас не особо вслушивалась, чем ужасным может обернуться её необдуманное согласие изобразить пару с Горячевым.

Да они же просто вид сделают, что вместе. Даже и не совсем враньё получилось бы. Они ведь действительно много времени рядом находились, не только домой после школы одной дорогой добирались, но и в классе за соседними партами сидели. Горячев – прямо перед Тоней. Вечно обращивался, когда надо что-то подсмотреть, или она нарочно шёпотом правильные ответы проговаривала, чтобы он услышал. В контрольных и самостоятельных они тоже решения сравнивали. Особенно, по физике и по химии. У Тони с этими науками не очень, а Мишка в них хорошо шарил.

Поэтому и нет ничего особенного в том, что они по торговому центру вдвоём пройдутся, и Сагитова, наверняка, с

Горячевым не знакома.

Но, если честно, Тоня и сама не до конца понимала, почему на Мишкино предложение согласилась. Наверное, как всегда, под влиянием внезапного порыва. Сначала сказала, теперь вот думала.

– Ой, Алён, да ладно. Ты так реагируешь, будто я за него замуж собралась. А мне ещё школу окончить надо.

– А потом сразу и поженитесь? – ехидно поинтересовалась подруга.

– А! – ошарашенно выдохнула Тоня. – Ты о чём? Я же о другом совсем. И, вообще, шутила. – Она смешалась, встревожилась, вдруг опять неудачно выразилась, пояснила торопливо: – Про школу. И про замужество. Шутка это. Просто шутка. И-ро-ни-я. – И чтобы Алёна дальше тему не развивала, воспользовавшись моментом, что как раз подошли, воскликнула «Пока!» и ринулась к собственному подъезду.

Подруга проводила её взглядом, чуть покровительственным и снисходительным, но Тоня его уже не увидела, торопливо нырнула в подъездный сумрак. Можно считать, что спряталась: от запредельной Алёниной правильности, от разговора, от событий, от собственных необъяснимых решений. Всё осталось за закрывшейся дверью. Ну, хотя бы на время. Дома ведь об этом не обязательно думать.

Хотя, конечно, вряд ли получится: мысли не мухи, не прогонишь, отмахнувшись. Только если временно вытеснить их чем-то ещё более важным. Домашним заданием, например.

Ну да, точно – домашним заданием.

Не переодеваясь, Тоня уселась за стол, наугад вытащила из сумки пару учебников, озадаченно хмыкнула, рассмотрев. Биология и литература.

Ни того, ни другого завтра в расписании не было. Даже тут всё наперекосяк.

Тоня сложила на столешнице руки, наклонилась, упёрлась в них подбородком, уставилась прямо перед собой.

Взгляд остановился на маленьком цветочном горшке в виде бочонка, в котором рос кактус. Такой толстенький зелёный ёжик. Его мама с работы приволокла – какой-то особо остроумный коллега одарил её на прошлый новый год. В магазине кактус по случаю праздника даже особо подготовили, покрыли цветным воском и блёстками, типа, он в сверкающем инее.

Абсолютно дурацкая идея. Тоня увидела этот поплёскивающий кошмар, и жалко стало бедолагу. Ему же, наверняка, душно и тесно в таком неестественном наряде.

Она собственноручно соскоблила воск с каждой иголки, искололась основательно и до конца не получилось. Зато кактус не погиб и даже подрос. А ещё на его широкой макушке не так давно образовался серый пушистый комочек.

Мама сказала, что это бутон, только вот цветок из него может долго не появиться, даже совсем никогда. Так и останется маленьким серым невзрачным нечто. А было бы жутко интересно посмотреть, как он зацветёт.

Глава 3

Снег сыпал крупными хлопьями, неспешно парившими в воздухе. Мир не в фокусе, ни одной чёткой линии и фигуры, всё растушёвано и размыто. И вроде бы ничего интересного, но взгляд не отвести.

Тоня пялилась в окно, словно зачарованная, и не видела, не слышала, что происходило поблизости. И только когда чужой острый локоть вонзился ей в бок, она пришла в себя, достаточно, чтобы разобрать снисходительный возглас подруги.

– И это им ты собираешься Сагитову с компанией впечатлить?

– А? – Тоня отвернулась от окна, огляделась.

Класс сдержанно хихикал, Валерия Михайловна делала

вид, что опирается о поставленную на стол руку, но на самом деле прятала под ладонью улыбку, а Горячев о чём-то вещал у доски с совершенно серьёзной и даже высокооудухотворённой физиономией, ещё и с театральными жестами.

С ним подобное нередко случалось: то вёл себя вполне нормально, как все, то начинал дурачиться. И тогда класс покатывался со смеху, словно публика на выступлении стендапера.

Не с каждым учителем подобное срабатывало. Историчка давно бы влепила Горячеву пару, ещё бы и накатала в дневнике что-нибудь о безобразном поведении на уроке, но Валерия Михайловна, кажется, веселилась вместе со всеми, хотя и старалась изо всех сил сохранить серьёзный вид. Но когда сидящий за первой партой прямо перед учительским столом Семак хрюкнул на весь кабинет, и она не выдержала, махнула рукой.

– Достаточно, Михаил. Иди на место.

Мишка застыл, недовольно свёл брови.

– Почему? Я же ещё не всё рассказал.

– Мне хватило, – твёрдо отрезала учительница, обвела взглядом веселящихся десятиклассников. – И всем, я смотрю, хватило. Больше никогда не буду тебя к доске вызывать.

– Почему? – опять патетично возопил Мишка с праведным негодованием.

– Потому что, – не менее патетично выдала Валерия Михайловна, – это кошмар какой-то! Половину урока все сме-

ются, вторую половину – приходят в себя после смеха. – И грозно добавила: – Вот возьму и отправлю тебя к директору за срыв урока.

Горячев не уstraшилcя, ещё и возмущённо выдохнул, гордо выпятив подбородок.

– Это несправедливо. Я не срывал. Я просто отвечал. Вы же сами вызвали.

– Впредь не повторю своей ошибки. Теперь буду с тебя домашнее задание исключительно письменно спрашивать. Вот тут рядом с Семаком как раз место свободное. Посажу, дам листочек, и излагай свои мысли сколько влезет.

– Сколько влезет? – повторил Мишка, задумчиво взвешивая слова. – А если они на один листочек не уберутся?

– Михаил, ради тебя целую тетрадь заведу, – пообещала Валерия Михайловна. – Девяносто шести листов на первое время достаточно?

Мишка не отвечал и не уходил, придирчиво следил, как учительница выставляет оценку в электронном журнале. Результат наблюдения его не удовлетворил.

– А почему «четыре»-то?

– Горячев, сгинь!

Мишка снисходительно хмыкнул, но с места всё-таки сдвинулся, неторопливо зашагал по проходу.

– Вот! – подытожила Алёна с победным выражением на лице. – Даже Валерия считает, что это кошмар.

Тоня невозмутимо хмыкнула, пожала плечами.

– А, по-моему, ей нравится.

– Ага, конечно, – якобы поддакнула подруга, критично поджала губы. – И тебе тоже нравится? – она не столько спросила, сколько осуждающе констатировала, приблизившись и до предела приглушив голос, потому что Горячев как раз дошёл до своего места и плюхнулся на стул, но тут же рубанула со всей своей типичной прямолинейностью: – Тонь, ну я порой просто офигеваю от своеобразности твоего восприятия мира. Ты не замечаешь очевидного, зато вечно видишь что-то своё. Пора бы уже снять и выкинуть розовые очки. Безоблачное детство давно закончилось.

Вот ведь завернула! Тоня на мгновение почувствовала себя маленькой и бестолковой и даже вроде как устыдилась, но действительно всего лишь на мгновение. Потом беззаботно махнула рукой, разогнав глупый мираж.

Горячев, кстати, тоже услышал, обернулся, озадаченно посмотрел на Алёну. Та приподняла ладонь, шевельнула пальцами, намекая, что нечего лезть в чужие разговоры, и Мишка послушно отвернулся. Зато, стоило прозвенеть звонку на перемену, крутанулся на стуле, и опять оказавшись лицом к подружкам, предложил:

– Может, прорепетируем торжественный выход? Сможемся завтра в «Меркурий». – Алёна глянула на него благосклонно и уже готова была поддакнуть, но тут Горячев выдал: – В батутный парк.

– Куда? – озадаченно переспросила Алёна в надежде, что

ослышалась.

– В батутный парк, – простодушно повторил Горячев.

– А потом будем потные и вонючие? Ага. Миш, ну ты предложишь, так предложишь.

Алёна громко выдохнула, закипая от возмущения, а Горячев посмотрел на Тоню.

– Ты тоже против?

Наверное, подруга хотела ответить и за неё. Что-нибудь типа «Конечно, против!» или «А ты что хотел?», она привыкла брать инициативу в свои руки, решая за двоих, но Тоня опередила.

– Нет.

И опять на неё уставились изумлённо и недоверчиво, но каждый по-своему. У Алёны в глазах читалось «Ты с ума сошла?», а у Горячева – не какие-то конкретные слова, а просто сдержанная радость.

– Тогда выходи из дома к часу. Я во дворе ждать буду.

Мишка подскочил с места, подхватил сумку и заспешил к выходу из кабинета. Решил смыться, пока Тоня не передумала. Только у неё же в любом случае оставалась возможность отказаться, и специально ловить Горячева для этого не надо, сам придёт уже через десять минут, усядется за соседнюю парту. Хотя нет, следующие два урока он от Тони сможет поубегать – потому что дальше по расписанию сдвоенная физкультура.

Алёна тоже выбралась из-за парты, правда, без особой по-

спешности. Во-первых, физра – предмет у неё не самый любимый, опять же с финалом «потные и вонючие», во-вторых, последние Тонины поступки её всё больше настораживали и приводили в замешательство. Пока шагали до спортивного зала, она только о том и говорила:

– Ну ты, подруга, даёшь! Тебе действительно так хочется в батутный парк? И будешь там прыгать, как обезьянка?

Почему бы и нет? Сейчас, из далёкой перспективы, подобное не виделось Тоне таким уж предосудительным. Не захочет – не будет. В «Меркурии» есть куда пойти и без батутного парка. Мишка же не потащит её насильно, если она откажется. И вообще – вдруг она давно уже мечтала «попрыгать, как обезьянка», просто не признавалась никогда.

Хотя, нет, конечно, не мечтала. Но от Алёниного возмущения эффект почему-то получался противоположный: батуты казались всё менее ужасными. Прикольно же! Прыгать. Прыгать высоко. Почти взлетать. Ага, в то самое безоблачное детство.

– Ну ладно Горячев, – продолжала Алёна, когда они уже наматывали круги по периметру спортивного зала. – От него другого и ожидать не стоит. Но ты-то!

Равномерное бухтение подруги сливалось с шарканьем многочисленных подошв по полу, с дробным топотом и тяжёлым дыханием бегущих и воспринималось на уровне фоновых шумов, никак не мешающих собственным размышлениям. И Алёна, похоже, догадалась, что её праведное него-

дование уходит в никуда, повысила голос, дёрнула за руку.

– Ты меня, вообще, слышишь?

– Слышу, – торопливо подтвердила Тоня.

– И? – почти выкрикнула Алёна, застыла на месте, и в неё тут же врезалась бегущая следом Лиза Топоркова.

– Блин, Масленникова! Предупреждать надо. У тебя на заднице стоп-сигналы не включаются, – выдала она сердито, но в ответ удостоилась только сурового взгляда.

А Тоня молчала. Потому что озвучивать роящиеся в её сознании мысли – это всё равно что подливать масла в огонь. И хорошо, что Топоркова так вовремя подвернулась и отвлекла Алёну. Та начисто забыла про обращённые к Тоне вопросы и, словно поезд в метро после очередной станции, стронулась с места, набрала скорость и плавно полетела по давно проложенному маршруту. Хотя и молчать не стала, завела опять:

– Так и не могу понять, зачем ты согласилась. Я даже не батутный парк имею в виду. Всё вместе.

– Просто он предложил, – напомнила Тоня. – По делу же.

– Ну да, предложил. По делу, – Алёна кивнула, но тут же критично поджала губы. – И нужно было сказать «Спасибо, Мишенька, за идею. Мы ей обязательно воспользуемся». И на том всё. Ведь по сути можно любого парня из класса попросить. Да вон хоть Матвея.

Матвей Пронин сидел прямо перед Алёной, за одним столом с Горячевым.

– Закончили бегать! – вклинился в разговор зычный голос физрука. – Построились на разминку.

Топот резко стих, а шелест подошв только усилился, класс рассредоточивался по залу: девочки налево, мальчики направо.

– А какая разница-то? – хмыкнула Тоня, нарочно притормозив, чтобы как обычно оказаться в последнем, дальнем от физрука ряду.

– Большая! – многозначительно изрекла Алёна. – Вот вспомни, как твоего крутого парня обычно называют. Ну, Горячев, по фамилии. Но я про это. Мишка. Ты только вслушайся. Ми-шка. А остальных, там Матвей, Дима, Серёга. Всё по-серьёзному, и только его так пренебрежительно.

– Да почему пренебрежительно?

– Господи, Тонь! – в отчаянии воскликнула Алёна, как-то уж чересчур по-взрослому, словно бабушка, ещё и для полного эффекта всплеснула руками.

– Масленникова! – разнёсся по залу окрик физрука. – Сейчас – вращение головой. К махам перейдём чуть позже.

Глава 4

Как Алёна ни старалась, переубедить Тоню у неё не получилось. Та даже сама удивилась своему упрямству и устойчивости. Ведь обычно она к подруге прислушивалась. Да что там? Порой послушно делала, что Алёна ей говорила.

Иногда же действительно это оказывалось самым лучшим. А иногда легче было согласиться, чем бесконечно спорить.

И вдруг – упёрлась и сделала по-своему.

Но и Алёна идти с ними в батутный парк наотрез отказалась. Так и заявила:

– Нет, Тонечка, даже не уговаривай.

Правда Тоня её особо и не уговаривала, просто утром позвонила, уточнила – могла же подруга за ночь передумать.

Не передумала. Поэтому на улице Тоня появилась одна. А Мишка уже торчал посреди двора, на детской площадке.

Увидел Тоню, вытащил из ушей наушники, убрал в карман, а когда она приблизилась, зачем-то глянул ей за спину, в сторону дома, и спросил:

– Ещё ждём?

– Зачем? – озадачилась Тоня.

– А как же? – воскликнул Горячев, добавил со значением: – Алёна же.

– Не, – Тоня мотнула головой, – она не идёт.

– Ясно, – заключил Мишка. – А я думал, всё-таки соберётся. Но... – задумчиво насупился и не договорил.

Тоня внимательно уставилась на него, предположила:

– Так ты из-за неё меня пригласил?

И почему-то обида кольнула. Или разочарование, что ли. Но сразу спрятались, пристыжённые.

У Горячева тут, возможно, трагедия, а ей... Что, кстати, ей? Неприятно? Так как всё на самом деле затевалось не ради неё, а ради подруги?

– Ты хотел, чтобы именно она пошла? – осторожно уточнила Тоня, напомнила тихо и сочувственно: – Так у неё же Дима есть.

Мишка пробормотал сбивчиво:

– Я... я... – Потом всё-таки вывел достаточно твёрдо: – Нет. Совсем не из-за этого. Не из-за неё. – Пожал плечами, пояснил: – Просто вы всегда вместе. Я думал, она тебя одну

вообще никуда не отпускает.

Ха! Тоня фыркнула возмущённо, прожгла его взглядом, поинтересовалась въедливо-сладеньким голосом:

– Ты это, Мишенька, шутишь? Или хочешь меня обидеть?

Горячев опять растерялся, проговорил, запинаясь:

– Я... не хочу. Тонь, правда не хочу. Я... – и снова замолчал.

– Миш, да что с тобой? – поразилась Тоня.

Это точно он? Или, может, брат-близнец? О котором Горячев никогда не рассказывал. Которого скрывал специально вот для таких моментов: если вдруг понадобится обещание выполнить, а никак – другие срочные планы возникли, и не разорваться.

Полный бред, конечно, и на самом деле никакого брата-близнеца у Мишки нет, но его и правда не узнать. настолько непривычно и необъяснимо, что Тоню саму уже тянуло смутиться.

Но тут Горячев словно очнулся, пришёл в себя, произнёс:

– Ничего. Всё нормально. – И кивнул в сторону дороги: – Идём.

«Меркурий» располагался совсем недалеко, можно дойти пешком и проехать две остановки на любом проходящем мимо троллейбусе или автобусе. Мишка там, похоже, тоже не редко бывал, не только на фуд-корте, в кинотеатре, и в магазинах, но и в том самом батутном парке. По крайней мере с парнем-инструктором, который сидел на пластиковом

стуле возле выстеленной матами акробатической дорожки и сверху наблюдал за тем, что творилось внизу, он обменялся рукопожатием, как с хорошим знакомым.

Не считая его, девушки за кассой, и папаши, не отходившего от совсем маленькой дочки, Тоня с Мишкой оказались здесь самыми взрослыми. А все остальные – мальчишки лет по десять-двенадцать. Но Тоня всё равно чувствовала себя не слишком комфортно.

В голове невовремя всплыли все сказанные Алёной слова. Не про «вонючая и потная» – здесь, кстати, душ имелся, а полотенце Тоня тоже на всякий случай прихватила – а про «несерьёзно» и «обезьянок».

Ну чего они и правда как дети! Им же не по пять и даже не по десять. Но Горячев, похоже, опять чувствовал себя как рыба в воде, ничего его не смущало.

– Идём давай! – воскликнул подбадривающе, посмотрел с ехидным вызовом, будто опять собирался сказать нечто вроде «Всё-таки без Алёны не можешь? Боишься?»

Да ничего подобного! Не боится она, тем более без Алёны, а просто стесняется – сама по себе. Но чтобы Горячев не паялился настолько уж снисходительно, и чтобы не думал ничего такого, Тоня гордо вскинула подбородок, ступила на эластичный чёрный квадрат.

Тот упруго прогнулся под ногами, а Тоня чуть-чуть подпрыгнула – просто на пробу. Батут спружинил, подбросил вверх, а потом выше, и ещё выше, так что в животе приятно

ёкнуло.

Тоня взмахнула руками, словно птица крыльями, приземлилась и опять легко взмыла вверх, едва сдержалась, чтобы не засмеяться, оглянулась на Мишку. Интересно стало: посмотреть на его лицо, узнать – он то же самое чувствовал? Но она почти мгновенно забыла, чего хотела, перестала подсакивать, застыла в центре сетки и наблюдала чуть ли не с широко распахнутым от изумления ртом.

Горячев не просто прыгал, Горячев почти летал. Реально. Взмыл высоко-высоко, перекувырнулся в воздухе, ещё раз и ещё, вперёд, потом назад, то сгруппировавшись, то вытянувшись. И так легко, абсолютно естественно, что, казалось, у него получалось просто само собой, и не стоило ему ровно никаких усилий.

В очередной раз перекувырнувшись, он приземлился не на ноги, а просто плюхнулся на пятую точку, но и тут было понятно, что он это специально. Потом уселся, по-турецки скрестил длинные ноги, вопросительно уставился на Тоню.

– Ты чего встала?

– Я? – переспросила она, выдала, как само собой разумеющееся: – Смотрела. – И тут же выдохнула восторженно: – Даже не представляла, что ты так можешь. С ума сойти.

Горячев самодовольно улыбнулся, доложил:

– Я в детстве акробатикой занимался. Верхним был в паре. На соревнования ездили, даже изредка призовые места занимали.

– Правда? – Это Тоня тоже не представляла, даже мыслей подобных никогда не закрадывалось. – А потом?

– Потом бросил, – коротко откликнулся он.

– Почему?

– Так сложилось, – заключил неопределённо, потом всё-таки пояснил: – Поначалу долго без серьёзных травм обходилось, только по мелочи. Но один раз всё-таки навернулся неудачно, чуть шею не свернул. Мама перепугалась. Да ещё быстро расти начал. Для верхнего слишком длинный, для нижнего ещё рановато. Короче, папа сказал, что никаких супервыдающихся успехов у меня всё равно нет, поэтому нечего и здоровье гробить. Всё равно чемпионом мне не стать. Вот теперь на любительском уровне и развлекаюсь.

Тоня задумалась.

– Ты на него не обиделся?

– На папу? – уточнил Мишка, пожал плечами. – За что?

– Что вот он так сказал, – пояснила она. – Типа чемпиона из тебя не получится.

Разве это не обидно? Особенно, услышать от собственного отца. Родители же обязаны в своих детей верить.

– Да он в общем-то прав был, – совершенно спокойно заметил Горячев. – У меня азарта и злости не хватало. Чтобы к победе любой ценой. Да он и сам не хотел, чтобы любой. Он ведь врач-ортопед, и дело не только в том, что мы первые места не занимали.

Тоня кивнула, отвела взгляд. Всё равно как-то странно,

что ли. Обычно, окружающие, наоборот, подстёгивают, подталкивают, направляют – давай, стремись вперёд, всех порви. Устал – не страшно, больно – терпи, не хочется – а это вообще неважно, позже оценишь. А Мишка, возможно, просто смирился с неизбежным, делал вид, будто всё нормально, но самом деле жалел и на отца обижался.

Она снова внимательно всмотрелась в Горячева, а тот тоже уставился на неё, сосредоточенно свёл брови и вдруг хмыкнул.

– Ты чего, меня жалеешь? – Усмехнулся беззаботно. – Перестань. Меня и так всё устраивает. Я же не просто ушёл и всё. Занимаюсь для удовольствия. Могу и сейчас – и стойку, и дорожку. Только в паре с тех пор больше не работал. Но, если потренируюсь, наверное, тоже смогу. – И в конце ещё добавил совершенно серьёзно: – А после школы хочу в Лесгафта. Или в пед на физкультурный.

Надо же. У него уже и планы на будущее расписаны, твёрдо знает, кем хочет быть. И вообще такое чувство, что они сегодня впервые увиделись. Хотя уже несколько лет знакомы, а, начиная с первого сентября, вообще обитают за соседними партами, общаются постоянно, пусть и не слишком интенсивно. Но всё-таки.

А, получалось, Тоня о Мишке в общем-то ничего и не знала. Понятно, когда до восьмого он ходил в другую школу (или, скорее всего, в спортивный интернат), да даже сидел в другом конце класса. Тогда ещё понятно и вполне прости-

тельно. А сейчас?

Ну, звали Михаил Горячев, ну, жил в той же стороне от школы, учился с переменным успехом, по каким-то предметам нормально, по каким-то не очень, излишней серьёзностью не отличался. С девушкой в данный момент вроде бы не встречался. Или точно не встречался, раз предложил Томиного парня изобразить.

И что? И всё? На этом её познания заканчивались?

Глава 5

– Хочешь и тебя научу сальто делать? – предложил Мишка.

– Ага! – хихикнула Тоня. – Собираешься на мне свой тренерский навык прокачивать? Перед поступлением.

Горячев тоже улыбнулся, но не возразил, не согласился, сообщил со всей убедительностью:

– Да это несложно. Тот же кувырок, только в воздухе.

Ну да, конечно, всего лишь кувырок. С учётом того, насколько он у Тони на земле обычно получается, легко представить, как это будет выглядеть в воздухе. Начинать ржать можно уже заранее.

Хотя, если честно, пока прыгала, её так и тянуло взлететь высоко-высоко и перевернуться через голову. Если бы не бы-

ло вокруг никого, вообще-вообще никого, за исключением разве Горячева, может быть, Тоня и попробовала бы.

– Ты же умеешь кувыркаться, – не унимался Мишка. – Вот абсолютно то же самое. Только подпрыгни чуть-чуть. Даже сразу на ноги приземляться не надо. Для начала – просто на спину.

Он сам так и сделал, как рассказал: подскочил совсем невысоко, перекувырнулся, упал на спину, и только уже потом, подброшенный батутom, встал на ноги.

Глядя на него, и не усомнишься, что это легче лёгкого. Но Тоня уже в курсе, как он ещё умел, её не обманешь. Поэтому и не торопилась пробовать.

– Боишься, что ли? – искренне озадачился Горячев.

Тоня действительно боялась. Но даже не самого прыжка и переворота, не того, что может неудачно приземлиться и будет больно. Больше всего – чужих взглядов. Вот если бы все присутствующие отвернулись, или совсем ушли, вот тогда она... вполне возможно...

– Ну... я...

– Лучше нас научи, – раздалось совсем рядом, и они повернулись одновременно, узнать, что происходит.

В нескольких шагах от них собрались мальчишки, стояли стайкой мялись и молчали, а один – рыженький, веснушчатый, самый взъерошенный и, видимо, самый смелый – держался чуть впереди остальных. Он и повторил, поглядывая то на Мишку, с искренним уважением, то на Тоню, с нескры-

ваемой снисходительностью.

– Нас лучше научи. – Заверил убеждённо: – Мы сможем. И не боимся.

Остальные старательно закивали, подтверждая, а Горячев обвёл их взглядом, усмехнулся, сложил на груди руки.

– Вас – не имею права, – произнёс весомо. – А если хотите, тут тренер есть. – И указал на сидящего наверху парня.

– Он – только за деньги, – вступил другой мальчишка. – А ты – так.

– Ну правда, не имею права, – ещё раз пояснил Мишка.

Мальчишки разочарованно засопели, но возражать и уговаривать не стали, зато выдвинули новое требование, словно надеялись хотя бы моральную компенсацию получить за неисполнившееся желание.

– Тогда покажи ещё чего-нибудь. Что умеешь.

И уставились преданно, а глаза уже блеснули от предвкушения.

Вот и как отказать восторженным зрителям? У Горячева решимости не хватило.

– Ну хорошо. Но немного.

Он выбрал батут побольше, возле ярко-жёлтой построенной из огромных прямоугольных матов стены, с которой эти же мальчишки прыгали всего несколько минут назад. И опять – высоко подлетал, кувыркался и переворачивался, приземлялся не только на ноги, но и на живот, на спину.

Зрители восторженно восклицали, показывали пальцами

и что-то объясняли друг другу с видом знатоков. А Тоня устроилась чуть в стороне в кресле-мешке и, если не восторгалась, то уж точно в тайне гордилась, что она тоже причастна. И немного волновалась, потому что от Мишкиных трюков даже у неё, сидящей в полной безопасности, дух захватывало. Но что уж совсем удивительно, иногда ей самой хотелось испытать то, что сейчас чувствовал он, – ту же свободу, то же бесстрашие, то же ощущение полёта.

Горячев остановился, раскланялся, дурачась, но почитатели и не думали отставать, затянули с таким видом, будто им недодали обещанного:

– А ещё-о-о?

– Э! – выдохнул Мишка сурово. – Вы особо-то не наглейте. Я тут всё-таки не с вами и не сам по себе. С девушкой.

Мальчишки дружно повернулись и с интересом уставились на Тоню, словно успели забыть о её существовании, а теперь обнаружили заново.

– Ну и что? – заявил рыженький невозмутимо. – Она же не мешает.

Мишка застыл с приоткрытым ртом, но быстро очнулся, виновато и растерянно глянул на Тоню, а она лишь улыбнулась, пожала плечами. Происходящее напомнило ей старенький мультфильм про циркового льва Бонифация. И эти мелкие липучки всё равно же не отстанут, если на них не зарычат, а Горячев на подобное вряд ли способен. Он мог и злиться, и обижаться, и даже драться, когда возникал повод.

Но не сейчас же.

– А тогда отвяжетесь? – уточнил он.

Его поклонники опять старательно закивали. Даже слишком старательно, чтобы не заподозрить их в том, будто они делали это исключительно ради Мишкиного согласия: пообещаем, раз такое условие, но на самом деле ничего не гарантируем.

Горячев снова ступил на батут, подпрыгнул, сделал сальто, кувырнулся, упал на спину, да так и взлетел горизонтально, но не вверх, а к стене, на весу прошёлся по ней ногами, оттолкнулся и опять упал спиной на батут, повторил несколько раз, с каждым разом забираясь всё выше и выше. А в последний не просто пробежался по стене, а шагнул через край, будто поднялся на другой уровень, выпрямился, замер, развернулся, посмотрел на зрителей сверху-вниз.

– Всё?

Мальчишки пялились на него заворожённо и, скорее всего, даже не слышала обращённого к ним вопроса. Ждали продолжения, несмотря ни на что.

Горячев спрыгнул вниз, опять произнёс:

– Всё! – но уже твёрдо, без вопросительных интонаций, и, не давая поклонникам возможности ничего сказать, направился к Тоне. – Пойдём туда.

Он указал подбородком в противоположный конец зала. Там располагалась яма, наполненная большими разноцветными мягкими кубами. С потолка свисала пара толстых ка-

натов-лиан.

– Можно, как на тарзанке, раскачаться и прыгнуть, – пояснил. – Хочешь, я тебя раскачаю?

Тоня даже подумать не успела, представить, как висит на лиане – вот теперь уж точно обезьянка, – как со стороны снова прозвучало:

– Меня раскачай.

На этот раз рыженький был один. Его приятели остались на батутах у стены, пробовали повторить за Мишкой – не кувырки, а шаги. И только он оказался самым упёртым и решительным, притащился следом.

– Я что, нанимался с вами нянчиться? – шикнул на него Горячев, но, похоже, способа смутить рыженького просто не существовало.

– Тебе трудно? – в праведном негодовании выдал он. – Ты большой и сильный. – Не забыл подлизаться. – У меня самого так не получится.

– Один раз, – предупредил его Мишка. – И ты отваливай отсюда и больше не подходишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.